Прочитайте приведённый ниже фрагмент произведения и выполните задание.

В то утро, проходя по лужайке, Дуглас наткнулся на паутину. Невидимая нить коснулась его лба и неслышно лопнула.

И от этого пустячного случая он насторожился: день будет не такой, как все. Не такой еще и потому, что бывают дни, сотканные из одних запахов, словно весь мир можно втянуть носом, как воздух: вдохнуть и выдохнуть, — так объяснял Дугласу и его десятилетнему брату Тому отец, когда вез их в машине за город. А в другие дни, говорил еще отец, можно услышать каждый гром и каждый шорох вселенной. Иные дни хорошо пробовать на вкус, а иные — на ощупь. А бывают и такие, когда есть все сразу. Вот, например, сегодня — пахнет так, будто в одну ночь там, за холмами, невесть откуда взялся огромный фруктовый сад, и все до самого горизонта так и благоухает. В воздухе пахнет дождем, но на небе — ни облачка. Того и гляди, кто-то неведомый захохочет в лесу, но пока там тишина…

Дуглас во все глаза смотрел на плывущие мимо поля. Нет, ни садом не пахнет, ни дождем, да и откуда бы, раз ни яблонь нет, ни туч. И кто там может хохотать в лесу?..

А все-таки, — Дуглас вздрогнул, — день этот какой-то особенный.

Машина остановилась в самом сердце тихого леса.

— А ну, ребята, не баловаться!

(Они подталкивали друг друга локтями.)

— Хорошо, папа.

Мальчики вылезли из машины, захватили синие жестяные ведра и, сойдя с пустынной проселочной дороги, погрузились в запахи земли, влажной от недавнего дождя.

— Ищите пчел, — сказал отец. — Они всегда вьются возле винограда, как мальчишки возле кухни. Дуглас! Дуглас встрепенулся.

— Опять витаешь в облаках, — сказал отец. — Спустись на землю, пойдем с нами.

— Хорошо, папа.

И они гуськом побрели по лесу: впереди отец, рослый и плечистый, за ним Дуглас, а последним семенил коротышка Том. Поднялись на невысокий холм и посмотрели вдаль. Вон там, указал пальцем отец, там обитают огромные, по-летнему тихие ветры и, незримые, плывут в зеленых глубинах, точно призрачные киты.

Дуглас глянул в ту сторону, ничего не увидел и почувствовал себя обманутым — отец, как и дедушка, вечно говорит загадками. И… и все-таки… Дуглас затаил дыхание и прислушался.

Что-то должно случиться, подумал он, я уж знаю.

— А вот папоротник, называется «Венерин волос». — Отец неторопливо шагал вперед, синее ведро позвякивало у него в руке. — А это, чувствуете? — И он ковырнул землю носком башмака. — Миллионы лет копился этот перегной, осень за осенью падали листья, пока земля не стала такой мягкой.

— Ух ты, я ступаю как индеец, — сказал Том. — Совсем неслышно!

Дуглас потрогал землю, но ничего не ощутил; он все время настороженно прислушивался. Мы окружены, думал он. Что-то случится! Но что? Он остановился. Выходи же! Где ты там? Что ты такое? — мысленно кричал он.

Том и отец шли дальше по тихой, податливой земле.

Рэй Бредбери. «Вино из одуванчиков». 1957 г.

1. Заполните пропуски в следующем тексте. В ответе запишите два термина в порядке их следования в тексте без пробелов, запятых и других дополнительных символов.

В приведённом фрагменте текста отец с ребятами обмениваются репликами. Такой вид речи называется _____. Яркие художественные образы создаются писателем с помощью _____ — скрытых сравнений (погрузились в запахи земли, дни хорошо пробовать на вкус).

Прочитайте приведённый ниже фрагмент произведения и выполните задание.

Уже в течение первого дня отец разъяснил матери и сестре имущественное положение семьи и виды на будущее. Он часто вставал из-за стола и извлекал из своей маленькой домашней кассы, которая сохранилась от его погоревшей пять лет назад фирмы, то какую-нибудь квитанцию, то записную книжку. Слышно было, как он отпирал сложный замок и, достав то, что искал, опять поворачивал ключ. Эти объяснения отца были отчасти первой утешительной новостью, услышанной Грегором с начала его заточения. Он считал, что от того предприятия у отца решительно ничего не осталось, во всяком случае, отец не утверждал противного, а Грегор его об этом не спрашивал. Единственной в ту пору заботой Грегора было сделать все, чтобы семья как можно скорей забыла банкротство, приведшее всех в состояние полной безнадежности. Поэтому он начал тогда трудиться с особым пылом и чуть ли не сразу сделался из маленького приказчика вояжером, у которого были, конечно, совсем другие заработки и чьи деловые успехи тотчас же, в виде комиссионных, превращались в наличные деньги, каковые и можно было положить дома на стол перед удивленной и счастливой семьей. То были хорошие времена, и потом они уже никогда, по крайней мере в прежнем великолепии, не повторялись, хотя Грегор и позже зарабатывал столько, что мог содержать и действительно содержал семью. К этому все привыкли — и семья, и сам Грегор; деньги у него с благодарностью принимали, а он охотно их давал, но особой теплоты больше не возникало. Только сестра осталась все-таки близка Грегору; и так как она в отличие от него очень любила музыку и трогательно играла на скрипке, у Грегора была тайная мысль определить ее на будущий год в консерваторию, несмотря на большие расходы, которые это вызовет и которые придется покрыть за счет чего-то другого. Во время коротких задержек Грегора в городе в разговорах с сестрой часто упоминалась консерватория, но упоминалась всегда как прекрасная, несбыточная мечта, и даже эти невинные упоминания вызывали у родителей неудовольствие; однако Грегор думал о консерватории очень определенно и собирался торжественно заявить о своем намерении в канун рождества.

Такие, совсем бесполезные в нынешнем его состоянии мысли вертелись в голове Грегора, когда он, прислушиваясь, стоймя прилипал к двери. Утомившись, он нет-нет да переставал слушать и, нечаянно склонив голову, ударялся о дверь, но тотчас же опять выпрямлялся, так как малейший учиненный им шум был слышен за дверью и заставлял всех умолкать. «Что он там опять вытворяет?» — говорил после небольшой паузы отец, явно глядя на дверь, и лишь после этого постепенно возобновлялся прерванный разговор.

Так вот, постепенно (ибо отец повторялся в своих объяснениях — отчасти потому, что давно уже отошел от этих дел, отчасти же потому, что мать не все понимала с первого раза) Грегор с достаточными подробностями узнал, что, несмотря на все беды, от старых времен сохранилось еще маленькое состояние и что оно, так как процентов не трогали, за эти годы даже не-много выросло. Кроме того, оказалось, что деньги, которые ежемесячно приносил домой Грегор — он оставлял себе всего несколько гульденов, — уходили не целиком и образовали небольшой капитал. Стоя за дверью, Грегор усиленно кивал головой, обрадованный такой неожиданной предусмотрительностью и бережливостью. Вообще-то он мог бы этими лишними деньгами погасить часть отцовского долга и приблизить тот день, когда он, Грегор, волей был бы отказаться от своей службы, но теперь оказалось несомненно лучше, что отец распорядился деньгами именно так.

(Франц Кафка «Превращение», 1912 г.)

2. Заполните пропуски в следующем тексте. В ответе запишите два термина в порядке их следования в тексте без пробелов, запятых и других дополни-тельных символов.

Произведение Кафки относится к _____роду литературы. Главный герой произведения противопоставлен своей семье. Поэтому уместно говорить об использовании писателем такого приёма, как _____.

Прочитайте приведённый ниже фрагмент произведения и выполните задание.

Г-жа Луазель узнала страшную жизнь бедняков. Впрочем, она сразу же героически примирилась со своей судьбой. Нужно выплатить этот ужасный долг. И она его выплатит. Рассчитали прислугу, переменили квартиру — наняли мансарду под самой крышей.

Она узнала тяжелый домашний труд, ненавистную кухонную возню. Она мыла посуду, ломая розовые ногти о жирные горшки и кастрюли. Она стирала белье, рубашки, полотенца и развешивала их на веревке; каждое утро выносила на улицу сор, таскала воду, останавливаясь передохнуть на каждой площадке. Одетая как женщина из простонародья, с корзинкой на руке, она ходила по лавкам — в булочную, в мясную, в овощную, торговалась, бранилась с лавочниками, отстаивала каждое су из своих нищенских средств.

Каждый месяц надо было платить по одним векселям, возобновлять другие, выпрашивать отсрочку по третьим. Муж работал вечерами, подводя баланс для одного коммерсанта, а иногда не спал ночей, переписывая рукописи по пяти су за страницу.

Такая жизнь продолжалась десять лет. Через десять лет они все выплатили, решительно все, даже грабительский рост, даже накопившиеся сложные проценты. Г-жа Луазель сильно постарела. Она стала шире в плечах, жестче, грубее, стала такою, какими бывают хозяйки в бедных семьях. Она ходила растрепанная, в съехавшей на сторону юбке, с красными руками, говорила громким голосом, сама мыла полы горячей водой. Но иногда, в те часы, когда муж бывал на службе, она садилась к окну и вспоминала тот бал, тот вечер, когда она имела такой успех и была так обворожительна.

Что было бы, если бы она не потеряла ожерелья? Кто знает? Кто знает? Как изменчива и капризна жизнь! Как мало нужно для того, чтобы спасти или погубить человека.

Как-то в воскресенье, выйдя прогуляться по Елисейским Полям, чтобы отдохнуть от трудов целой недели, она вдруг увидела женщину, которая вела за руку ребенка. Это была г-жа Форестье, все такая же молодая, такая же красивая, такая же очаровательная.

Г-жа Луазель взволновалась. Заговорить с ней? Ну конечно. Теперь, когда она выплатила долг, можно все рассказать. Почему бы нет.

Она подошла ближе.

— Здравствуй, Жанна.

— Но... сударыня... я не знаю... Вы, верно, ошиблись.

— Нет. Я Матильда Луазель.

Ее приятельница ахнула:

— Бедная моя Матильда, как ты изменилась!

— Да, мне пришлось пережить трудное время, с тех пор как мы с тобой расстались. Я много видела нужды... и все из-за тебя!

— Из-за меня? Каким образом?

— Помнишь то бриллиантовое ожерелье, что ты дала мне надеть на бал в министерстве?

— Помню. Ну и что же?

— Так вот, я его потеряла.

— Как! Ты же мне вернула его.

— Я вернула другое, точно такое же. И целых десять лет мы за него выплачивали долг. Ты понимаешь, как нам трудно пришлось, у нас ничего не было. Теперь с этим покончено. И сказать нельзя, до чего я этому рада.

Г-жа Форестье остановилась как вкопанная.

— Ты говоришь, вы купили новое ожерелье взамен моего?

— Да. А ты так ничего и не заметила? Они были очень похожи.

И она улыбнулась торжествующе и простодушно. Г-жа Форестье в волнении схватила ее за руки.

— О бедная моя Матильда! Ведь мои бриллианты были фальшивые! Они стоили самое большее пятьсот франков.

(Ги де Мопассан. «Ожерелье», 1884 г.)

3. Заполните пропуски в следующем тексте. В ответе запишите два термина в порядке их следования в тексте без пробелов, запятых и других дополнительных символов.

Произведение Ги де Мопассана, фрагмент из которого приведён, имеет незамысловатый _____: колье, взятое напрокат, потеряно, и чтобы купить взамен такое же, героям приходится во всем себе отказывать, а после выплаты долгов они узнают, что взятое напрокат колье было дешёвой подделкой. В основе действия несоответствие между желаниями и возможностями героев, называемое в литературе _____.

Прочитайте приведённый ниже фрагмент произведения и выполните задание.

Директор открыл дверь. Они очутились в большом голом зале, очень светлом и солнечном: южная стена его была одно сплошное окно. Пять или шесть нянь в форменных брючных костюмах из белого вискозного полотна и в белых асептических, скрывающих волосы шапочках были заняты тем, что расставляли на полу цветы. Ставили в длинную линию большие вазы, переполненные пышными розами. Лепестки их были шелковисто гладки, словно щеки тысячного сонма ангелов — нежно-румяных индоевропейских херувимов, и лучезарно-чайных китайчат, и мексиканских смуглячков, и пурпурных от чрезмерного усердия небесных трубачей, и ангелов бледных как смерть, бледных мраморной надгробной белизною.

Директор вошел — няни встали смирно.

— Книги по местам, — сказал он коротко.

Няни без слов повиновались. Между вазами они разместили стоймя и раскрыли большеформатные детские книги, манящие пестро раскрашенными изображениями зверей, рыб, птиц.

— Привезти ползунков.

Няни побежали выполнять приказание и минуты через две возвратились; каждая катила высокую, в четыре сетчатых этажа, тележку, груженную восьмимесячными младенцами, как две капли воды похожими друг на друга (явно из одной группы Бокановского) и одетыми все в хаки (отличительный цвет касты «дельта»).

— Снять на пол.

Младенцев сгрузили с проволочных сеток.

— Повернуть лицом к цветам и книгам.

Завидя книги и цветы, детские шеренги смолкли и двинулись ползком к этим скопленьям цвета, к этим красочным образам, таким празднично-пестрым на белых страницах. А тут и солнце вышло из-за облачка. Розы вспыхнули, точно воспламененные внезапной страстью;глянцевитые страницы книг как бы озарились новым и глубинным смыслом. Младенцы поползли быстрей, возбужденно попискивая, гукая и щебеча от удовольствия.

— Превосходно! — сказал Директор, потирая руки. — Как по заказу получилось.

Самые резвые из ползунков достигли уже цели. Ручонки протянулись неуверенно, дотронулись, схватили, обрывая лепестки преображенных солнцем роз, комкая цветистые картинки. Директор подождал, пока все дети не присоединились к этому радостному занятию.

— Следите внимательно! — сказал он студентам. И подал знак вскинутой рукой. Старшая няня, стоявшая у щита управления в другом конце зала, включила рубильник.

Что-то бахнуло, загрохотало. Завыла сирена, с каждой секундой все пронзительнее. Бешено зазвенели сигнальные звонки.

Дети трепыхнулись, заплакали в голос; личики их исказились от ужаса.

— А сейчас, — не сказал, а прокричал Директор (ибо шум стоял оглушительный), — сейчас мы слегка подействуем на них электротоком, чтобы закрепить преподанный урок.

Он опять взмахнул рукой, и Старшая включила второй рубильник. Плач детей сменился отчаянными воплями. Было что-то дикое, почти безумное в их резких судорожных вскриках. Детские тельца вздрагивали, цепенели; руки и ноги дергались, как у марионеток.

(Олдос Хаксли. «О дивный новый мир», 1932 г.)

4. Заполните пропуски в следующем тексте. В ответе запишите два термина в порядке их следования в тексте без пробелов, запятых и других дополнительных символов.

В произведении Олдоса Хаскли, фрагмент из которого приведён, представлен сценарий грядущего, которого хотелось бы избежать. Вот почему роман принято считать _____. «О дивный новый мир», как и любой другой роман, принадлежит к _____роду.

Прочитайте приведённый ниже фрагмент произведения и выполните задание.

— Хотел бы я купить себе немножко счастья, если его где-нибудь продают, — сказал старик.

«А на что ты его купишь? — спросил он себя. — Разве его купишь на потерянный гарпун, сломанный нож и покалеченные руки? Почем знать! Ты ведь хотел купить счастье за восемьдесят четыре дня, которые ты провел в море. И, между прочим, тебе его чуть было не продали... Не нужно думать о всякой ерунде. Счастье приходит к человеку во всяком виде, разве его узнаешь? Я бы, положим, взял немножко счастья в каком угодно виде и заплатил за него все, что спросят. Хотел бы я увидеть зарево Гаваны, — подумал он. — Ты слишком много хочешь сразу, старик. Но сейчас я хочу увидеть огни Гаваны — и ничего больше».

Он попробовал примоститься у руля поудобнее и по тому, как усилилась боль, понял, что он и в самом деле не умер.

Он увидел зарево городских огней около десяти часов вечера. Вначале оно казалось только бледным сиянием в небе, какое бывает перед восходом луны. Потом огни стали явственно видны за полосой океана, по которому крепчавший ветер гнал высокую волну. Он правил на эти огни и думал, что скоро, теперь уже совсем скоро войдет он в Гольфстрим.

«Ну, вот и все, — думал он. — Конечно, они нападут на меня снова. Но что может сделать с ними человек в темноте голыми руками?»

Все его тело ломило и саднило, а ночной холод усиливал боль его ран и натруженных рук и ног. «Надеюсь, мне не нужно будет больше сражаться, — подумал он. — Только бы мне больше не сражаться!»

Но в полночь он сражался с акулами снова — и на этот раз знал, что борьба бесполезна. Они напали на него целой стаей, а он видел лишь полосы на воде, которые прочерчивали их плавники, и свет, который они излучали, когда кидались рвать рыбу. Он бил дубинкой по головам и слышал, как лязгают челюсти и как сотрясается лодка, когда они хватают рыбу снизу. Он отчаянно бил дубинкой по чему-то невидимому, что мог только слышать и осязать, и вдруг почувствовал, как дубинки не стало.

Он вырвал румпель из гнезда и, держа его обеими руками, бил и колотил им, нанося удар за ударом. Но акулы уже были у самого носа лодки и набрасывались на рыбу одна за другой и все разом, отдирая от нее куски мяса, которые светились в море; акулы разворачивались снова, чтобы снова накинуться на свою добычу.

Одна из акул подплыла наконец к самой голове рыбы, и тогда старик понял, что все кончено. Он ударил румпелем по носу акулы, там, где ее зубы застряли в крепких костях рыбьей головы. Ударил раз, другой и третий.

Услышав, как затрещал и раскололся румпель, он стукнул акулу расщепленной рукояткой. Старик почувствовал, как дерево вонзилось в мясо, и, зная, что обломок острый, ударил акулу снова. Она бросила рыбу и отплыла подальше. То была последняя акула из напавшей на него стаи. Им больше нечего было есть.

(Эрнест Хемингуэй. «Старик и море», 1952 г.)

5. Заполните пропуски в следующем тексте. В ответе запишите два термина в порядке их следования в тексте без пробелов, запятых и других дополнительных символов.

Повесть Эрнеста Хемингуэя «Старик и море» — произведение, в котором через иносказание передано нравоучение. Поэтому повесть называют еще и _____. В описании борьбы старика с акулой в приведённом фрагменте текста важной является даже мелкая подробность, называемая _____.

Прочитайте приведённый ниже фрагмент произведения и выполните задание.

Мне кажется, не существовало никогда человека более довольного своей профессией, чем мистер Крикл. Сечь мальчиков доставляло ему такое же наслаждение, как, например, очень голодному наброситься на пищу. Я уверен, что особенно не мог он устоять против искушения выпороть, когда дело шло о толстеньком мальчике. Такие мальчуганы обладали для него особенной притягательной силой, и он не мог успокоиться, пока хорошенько не исполосует их. Я тоже был кругленьким и потому испытал это на себе.

При одном воспоминании об этом человеке во мне закипает вся кровь, и закипает не потому, что он истязал меня лично. Негодование мое еще усиливается, когда я вспоминаю, до какой степени невежественно было это животное, Крикл. Он имел не больше прав стоять во главе школы, чем быть адмиралом флота или главнокомандующим армией. Притом, занимая два этих последних поста, он, наверное, принес бы гораздо меньше вреда, чем будучи директором школы.

Жалкие маленькие подхалимы жестокого идола, как мы пресмыкались перед ним! До чего отвратительно, думаю я теперь, оглядываясь назад, так подло раболепствовать перед таким низким, самонадеянным человеком!

Вот снова я в классе, сижу на скамье и смотрю мистеру Криклу в глаза, смотрю с трепетом, в то время как он линует арифметическую тетрадь для другого мальчика, руки которого за минуту перед этим были избиты той же самой линейкой, — он теперь, бедняжка, старается стереть следы побоев своим носовым платком. У меня работы по горло, но я отнюдь не из лени смотрю в глаза директору, — нет, он словно гипнотизирует меня, — и я в ужасе жажду знать, чей следующий черед страдать — мой или какого-нибудь другого мальчика. Ряд учеников, сидящих за мной, с таким же интересом следит за глазами нашего мучителя. Мне кажется, что он это знает и только притворяется, будто не замечает. Разлиновывая тетрадь для арифметики, он делает ртом ужасные гримасы. Но вот он бросает взгляд на наш ряд, и мы все дрожим и смотрим в книги, но через минуту мы опять уже уставились на него. По его грозному приказу подходит к нему несчастный юный преступник, допустивший ошибку в своей работе. Преступник лепечет извинения и уверяет, что завтра он этого не сделает. Тут мистер Крикл, прежде чем начать лупить его, еще поиздевается над ним, отпустит шуточку, а мы, презренные, трусливые щенки, мы смеемся над этим; лица же наши белее полотна, а души ушли в пятки.

Опять сижу я в классе в душный, навевающий дремоту летний день. Кругом меня все гудит и жужжит, словно мои товарищи обратились в рой больших синеватых мух. Всего час или два как мы пообедали, и я все еще чувствую тяжесть от съеденного полухолодного говяжьего жира, а голова моя как будто налита свинцом. Все на свете, кажется, отдал бы я за возможность поспать. Я уставился глазами на мистера Крикла и моргаю, как молодая сова.

Сон совсем одолевает меня, а все-таки, как сквозь туман, мерещится мне наш мучитель, разлиновывающий арифметическую тетрадь, и это длится до тех пор, пока он не подкрадется ко мне сзади и не вернет меня к действительности, хватив так, что на спине появится кровавая борозда.

(Чарльз Диккенс. «Дэвид Копперфилд

6. Заполните пропуски в следующем тексте. В ответе запишите два термина в порядке их следования в тексте без пробелов, запятых и других дополнительных символов.

Произведение «Дэвид Копперфилд» по жанру — это автобиографический, социально-психологический, философский _____. Тем не менее, персонажи Чарльза Диккенса наделены типичными чертами, что характерно для такого литературного направления, как _____.

Прочитайте приведённый ниже фрагмент произведения и выполните задание.

Неожиданно Кларисса Макклеллан сказала:

— Можно задать вам вопрос? Вы давно работаете пожарным?

— С тех пор, как мне исполнилось двадцать. Вот уже десять лет.

— А вы хоть раз читали те книги, которые сжигаете?

Он рассмеялся:

— Но это же запрещено законом!

— Да-да, конечно.

— В нашей работе есть свои тонкости. В понедельник сжигаешь По, во вторник — Войнич, в четверг — Честертона, сжигаешь их до пепла, потом сжигаешь пепел. Таков наш официальный девиз.

Они прошли еще немного, и девушка спросила:

— А это правда, что когда-то давно пожарные тушили пожары вместо того, чтобы их разжигать?

— Нет. Дома всегда были огнеупорными, можете мне поверить.

— Странно. Я как-то слышала, что было такое время, когда дома загорались из-за всяких несчастных случаев, и приходилось вызывать пожарных, чтобы остановить пламя.

Он рассмеялся.

Девушка бросила на него быстрый взгляд.

— Почему вы смеетесь?

— Не знаю, — снова засмеялся он и тут же осекся. — А что?

— Вы смеетесь, хотя я не говорю ничего смешного, и отвечаете на все мои вопросы мгновенно. Ни разу даже не задумались над тем, что я спрашиваю. Монтэг остановился.

— А вы и на самом деле очень странная, — произнес он, глядя на Клариссу в упор. — У вас что, вообще нет уважения к собеседнику?

— Я не хотела вас обидеть. Все дело, наверное, в том, что я слишком уж люблю приглядываться к людям.

– А это вам ни о чем не говорит? — Монтэг слегка постучал пальцами по цифрам 4, 5 и 1, вышитым на рукаве его угольно-черной куртки.

— Говорит, — прошептала она в ответ, ускоряя шаг. — Вы когда-нибудь бывали на гонках реактивных автомобилей, которые проводятся там, на бульварах?

— Уходите от разговора?

— Иногда мне кажется, что их водители просто не имеют представления о таких вещах, как трава или цветы, потому что никогда не ездят медленно, — произнесла она. — Покажите такому водителю зеленое пятно — и он скажет: «Да, это трава!» Розовое пятно — «Это розарий!». Белые пятна будут домами, коричневые — коровами. Мой дядя как-то раз решился проехать по скоростному шоссе медленно. Он делал не больше сорока миль в час — его тут же арестовали и посадили в тюрьму на двое суток. Смешно, да? Но и грустно.

— Вы чересчур много думаете, — смущенно заметил Монтэг.

— Я редко смотрю «телестены» в гостиных, почти не бываю на автогонках или в Парках Развлечений. Оттого у меня и остается время для всевозможных бредовых мыслей. Вы видели вдоль шоссе за городом двухсотфутовые рекламные щиты? А известно вам, что было время, когда они были длиной всего двадцать футов? Но автомобили стали ездить с бешеной скоростью, и щиты пришлось наращивать, чтобы изображение хотя бы длилось какое-то время.

— Нет, я этого не знал, — хохотнул Монтэг.

— Держу пари, я знаю еще кое-что, чего вы не знаете. Например, что по утрам на траве лежит роса…

Он внезапно понял, что не может вспомнить, представлял ли себе когда-либо что-то подобное или нет, и это привело его в раздражение.

— А если посмотреть вверх… — Кларисса кивнула на небо, — то можно увидеть человечка на луне.

Ему уже давно не случалось туда глядеть.

Оставшуюся часть пути оба проделали в молчании: она – в задумчивом, он – в тягостном; стиснув зубы, он то и дело бросал на девушку укоризненные взгляды.

Когда они подошли к ее дому, все окна были ярко освещены.

— Что здесь происходит? — Монтэгу не так уж часто доводилось видеть, чтобы в доме было столь много огней.

— Ничего особенного. Просто мама, папа и дядя сидят и беседуют. Сейчас это такая же редкость, как ходить пешком. Даже еще реже встречается. Между прочим, мой дядя попал под арест вторично — я вам этого не говорила? За то, что он шел пешком! О, мы весьма странные люди.

(Рэй Бредбери. «451 градус по Фаренгейту»)

7. Заполните пропуски в следующем тексте. В ответе запишите два термина в порядке их следования в тексте без пробелов, запятых и других дополнительных символов.

Произведение Рэя Бредбери «451 градус по Фаренгейту» буквально пронизано противопоставлениями света и тьмы, суеты и спокойствия, шума и тишины, поэтому можно сделать вывод, что в основе его построения, т. е. _____, лежит принцип _____.

Прочитайте приведённый ниже фрагмент произведения и выполните задание.

Вошел Жаффе. На нем был белоснежный халат, на котором еще не разгладились складки от утюжки. Но когда он подсел ко мне, я заметил на внутренней стороне правого рукава маленькое алое пятнышко крови.

Я немало повидал крови в своей жизни, но это крохотное пятнышко подействовало на меня куда более угнетающе, чем все пропитанные кровью повязки. И моей уверенности как не бывало.

— Я обещал вам рассказать, как обстоят дела у фройляйн Хольман, — сказал Жаффе.

Я кивнул, глядя на пеструю плюшевую скатерть. Я не мог оторвать глаз от переплетения шестиугольников на ней, про себя идиотски решив, что все оборвется, если только я не моргну до тех пор, пока Жаффе заговорит снова.

— Два года назад она шесть месяцев провела в санатории. Вы знаете об этом?

— Нет, — сказал я, по-прежнему глядя на скатерть.

— После этого ее состояние улучшилось. Теперь я ее тщательно исследовал. Этой зимой ейнепременно следует снова поехать туда. Ей нельзя оставаться в городе.

Я все еще смотрел на шестиугольники. Они уже начали расплываться и танцевать у меня перед глазами.

— Когда нужно ехать? — спросил я.

— Осенью. Самое позднее — в конце октября.

— Значит, кровотечение не было случайным?

— Нет.

Я оторвал глаза от скатерти.

— Вероятно, мне не нужно рассказывать вам о том, — продолжал Жаффе, — что эта болезнь непредсказуема. Год назад казалось, что процесс остановился, произошло инкапсулирование, и можно было предположить, что очаг закрылся. И так же, как недавно, процесс неожиданно возобновился, он может в любой момент столь же внезапно прекратиться. Это не просто слова — так действительно бывает. Я сам наблюдал случаи удивительного исцеления.

— Но и ухудшения тоже?

Он посмотрел на меня.

— И это тоже, конечно.

Он стал входить в детали. Оба легкие были поражены, правое меньше, левое больше. Потом, прервавшись, он позвонил в звоночек. Появилась сестра.

— Принесите-ка мой портфель.

Сестра принесла то, что требовали. Жаффе вынул из портфеля два огромных похрустывающих конверта с фотоснимками. Он извлек их и поднес к окну.

— Так виднее. Это рентгеновские снимки.

На прозрачной серой пластинке я увидел сплетения позвоночника, лопатки, ключицы, плечевые суставы и плоские сабли ребер. Но я увидел больше — я увидел скелет. Он как темный призрак проступал на фоне бледных, расплывающихся пятен снимка. Я увидел скелет Пат. Скелет Пат.

Взяв пинцет, Жаффе стал указывать мне на отдельные линии и пятна, объясняя, что они значат. Педантизм ученого овладел им настолько, что он даже не заметил, что я не смотрю на снимок. Наконец он обратился ко мне:

— Вы поняли?

— Да, — сказал я.

— А что же у вас такой вид?

— Нет, нет, ничего, — сказал я, — просто я плохо вижу.

— Ах вот что. — Он поправил очки. Потом снова засунул снимки в конверты и испытующе посмотрел на меня. — Не забивайте себе голову бесполезными размышлениями.

— Я этого и не делаю. Но что за напасть проклятая! Миллионы людей здоровы! Почему именно она должна быть больна?

Жаффе помолчал.

— На этот вопрос вам никто не ответит, — сказал он потом.

— Да, — воскликнул я в порыве горького и слепого бешенства, — на этот вопрос никто не ответит! Разумеется! Кто в ответе за людские страдания и смерть! Вот ведь проклятие! Главное — ничего нельзя сделать.

Жаффе долго смотрел на меня.

— Простите, — сказал я. — Но я не умею обманывать себя. Вот в чем весь ужас.

(Эрих Мария Ремарк «Три товарища», 1936 г.)

8. Заполните пропуски в следующем тексте. В ответе запишите два термина в порядке их следования в тексте без пробелов, запятых и других дополни-тельн

ых символов.

Произведение Ремарка относится к _____роду литературы. Разговор главного героя и доктора Жаффе в приведённом фрагменте текста представляет собой _____.

Прочитайте приведённый ниже фрагмент произведения и выполните задание.

Стук в дверь.

Отец Тиль. Войдите!..

Входит Соседка и ведет за руку белокурую Девочку необыкновенной красоты;

Девочка прижимает к груди горлицу Тильтиля.

Соседка. Перед вами чудо!..

Мать Тиль. Не может быть!.. Она ходит?..

Соседка. Она ходит!.. Какое там: она бегает, танцует, летает!.. Увидала птицу — и прыг к окну, поглядеть при свете, правда ли это горлица Тильтиля... А потом на улицу — и — и полетела, словно ангелочек на крылышках... Я еле-еле за ней поспела...,

Тильтиль (подходит к Девочке; в изумлении). Ой, как она похожа на Душу Света!..

Митиль. Только гораздо меньше...

Тильтиль. Понятно!.. Ну, она еще подрастет!..

Соседка. Что они говорят?.. Все еще не в себе?..

Мать Тиль. Ничего, пройдет... Позавтракают — все как рукой снимет...

Соседка (толкает внучку в объятия Тильтиля). Деточка, поблагодари Тильтиля!..

Тильтиль, смущенный, пятится назад.

Мать Тиль. Тильтиль, что это с тобой?.. Девочку испугался?.. А ну, поцелуйка ее!.. Только покрепче... Еще крепче!.. А ведь такой всегда бойкий!.. Еще разок!.. Да что с тобой?.. Никак, у тебя глаза на болоте?..

Тильтиль неумело целует Девочку.
Оба молча смотрят друг на друга.

Тильтиль (гладит горлицу по головке). Она достаточно синяя?..

Девочка. Да, да, я очень рада...

Тильтиль. Я видел совсем синих... Понимаешь: синих-пресиних! Но только их не поймать!

Девочка. Ничего, она и так красива.

Тильтиль. Ты ее покормила?..

Девочка. Нет еще... А что она ест?..

Тильтиль. Да все: зерно, хлеб, кукурузу, кузнечиков...

Девочка. А как она ест?..

Тильтиль. Она клюет, клювиком. Вот смотри, я тебе сейчас покажу...

Тильтиль хочет взять у Девочки птицу. Девочка инстинктивно сопротивляется, а горлица, воспользовавшись замешательством, вырывается у Девочки из рук и улетает.

Девочка (в отчаянии). Бабушка!.. Она улетела!.. (Рыдает.)

Тильтиль. Ничего, не плачь, я ее поймаю!.. (Выходит на авансцену и обращается к зрителям.) Мы вас очень просим: если кто-нибудь из вас ее найдет, то пусть принесет нам — она нужна нам для того, чтобы стать счастливыми в будущем...

(Морис Метерлинк. «Синяя птица», 1908 г.)

9. Заполните пропуски в следующем тексте. В ответе запишите два термина в порядке их следования в тексте без пробелов, запятых и других дополнительных символов.

Произведение Мориса Метерлинка, фрагмент из которого приведён, написано для постановки на сцене и относится к _____ роду. Для уточнения каких-либо деталей, действий в таком произведении используются авторские _____.